

Андрей Юрьевич Митрофанов

Император Алексей I Комнин
и его стратегия

монография

Андрей Митрофанов

**Император Алексей I
Комнин и его стратегия**

АНО "Издательство СПбДА"

2020

УДК 94(495).03

ББК 63.3(0).4

Митрофанов А. Ю.

Император Алексей I Комнин и его стратегия /

А. Ю. Митрофанов — АНО "Издательство СПбДА", 2020

ISBN 978-5-906627-76-6

Монография доктора исторических наук Андрея Юрьевича Митрофанова рассматривает военно-политическую обстановку, сложившуюся вокруг византийской империи накануне захвата власти Алексеем Комнином в 1081 году, и исследует основные военные кампании этого императора, тактику и вооружение его армии. выводы относительно характера военно-политической стратегии Алексея Комнина автор делает, опираясь на известный памятник византийской исторической литературы — «Алексиаду» Анны Комниной, а также «Анналы» Иоанна Зонары, «Стратегикон» Катакалона Кекавмена, латинские и сельджукские исторические сочинения. в работе приводятся новые доказательства монгольского происхождения династии великих Сельджукидов и новые аргументы в пользу радикального изменения тактики варяжской гвардии в эпоху Алексея Комнина, рассматриваются процессы вестернизации византийской армии накануне Первого Крестового похода. Делается вывод о важнейшем значении половецкого фактора в развитии византийско-русских отношений в начале XII века. В частности, экспансия половцев в придунайских землях связывается с политической консолидацией племенного союза токсобичей, в основе которого находились монгольские кланы, что позволяет рассматривать половецкое наступление на Балканы на рубеже XI-XII веков в качестве своеобразного пролога к монгольским завоеваниям XIII века. Монография рекомендуется преподавателям и студентам богословских и светских вузов, а также всем интересующимся историей Византии в эпоху Крестовых походов. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(495).03

ББК 63.3(0).4

ISBN 978-5-906627-76-6

© Митрофанов А. Ю., 2020

© АНО "Издательство СПбДА", 2020

Содержание

Введение	7
Анна Комнина	11
Происхождение сельджуков	19
Роман Диоген	26
Потеря Анатолии	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Митрофанов
Император Алексей I
Комнин и его стратегия

© Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2020

* * *

*FÜR MEINE HOCH VEREHRTE AKADEMISCHE LEHRERIN IN
BYZANTOLOGIE
AN DER UNIVERSITÄT SANKT PETERSBURG, FRAU PROF. DR.DR.
GALINA LEBEDEVA*

Введение

Император Алексей I Комнин (1081–1118) вошел в историю как один из самых знаменитых и ярких византийских императоров во многом благодаря бессмертному сочинению своей дочери принцессы Анны (1083–1154/55). Анна Комнина написала во второй половине 1140-х годов, в возрасте шестидесяти с лишним лет, «Алексиаду», которая стала признанной классикой византийской литературы¹. Как отмечал Я. Н. Любарский – переводчик и исследователь «Алексиады», в произведении Анны Комниной сочетаются как «либеральные тенденции», характерные для византийской литературы XI века – в частности, для «Хронографии» Михаила Пселла, – так и репрессивный дух своего времени, наиболее соответствующий литературным судьбам героев «Илиады»². Карл Крумбахер далеко не случайно признавал «Алексиаду» лучшим историческим повествованием, которое оставило нам Средневековье³. Великая эпоха породила великую литературную панораму, в которой отразилось драматическое время императора Алексея и его сподвижников. Алексей Комнин привлекал к себе не только внимание современников, но также вызывал интерес европейских писателей в Новое время, пусть даже интерес этот носил на себе отпечаток негативного отношения к нему, унаследованного от франкских хронистов эпохи Первого Крестового похода, таких как Альберт Ахенский, Экехард фон Аура и Ордерик Виталий. Достаточно вспомнить о том, что Алексей и его талантливая дочь принцесса Анна стали персонажами романа «Граф Роберт Парижский», написанного сэром Вальтером Скоттом, который, к сожалению, воспринимал византийскую историю сквозь мутное стекло Гиббоновского пасквиля.

Реабилитация императора Алексея I Комнина в исторической науке и популяризация сочинения Анны Комниной произошла в конце XIX века, во многом благодаря исследованиям французского византиста Фердинанда Шаландона – замечательного ученика гениального франко-германского историка Густава Шлюмбергера, по-настоящему открывшего Византию и ее историю для широкой европейской публики. Шаландон всю свою жизнь посвятил изучению эпохи династии Комнинов и истории норманнского завоевания южной Италии. К сожалению, земной путь Фердинанда Шаландона оборвался очень рано – французский византист скончался в Лозанне в 1921 году, в возрасте 46 лет, от последствий ранения, полученного на полях Первой Мировой войны. Однако книги, которые он успел написать, заняли важное место в наследии мирового византиноведения. Супруга Фердинанда Шаландона, которая была его верным помощником при жизни, тщательно собрала неопубликованные рукописи и черновики ученого после его кончины⁴. Царствование императора Алексея также привлекало к себе внимание крупнейших русских ученых-византистов, в частности В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и А. А. Васильева, прежде всего по той причине, что его эпоха представляла собой переломный момент не только в византийской, но и, в целом, в европейской истории.

Момент, когда произошло прямое столкновение Византийской цивилизации – наследницы Древнего Рима, романо-германской Европы, вышедшей из темных веков «варварства», и кочевого тюрко-иранского мира, нацеленного на агрессивную экспансию в западном направлении. Эпоха императора Алексея и его правление видимым образом опровергают домыслы

¹ *Neville L.* Anna Komnene. The Life and Work of a Medieval Historian. Oxford, 2016. P. 15–29; *Buckley P.* The Alexiad of Anna Komnene. Artistic Strategy in the Making of a Myth. Cambridge, 2014. P. 44–167.

² *Любарский Я. Н.* «Алексиада» Анны Комниной – шедевр византийской литературы? // *Его же.* Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 262–278; *Ljubarskij J.* Why is the Alexiad a Masterpiece of Byzantine Literature? // *Anna Komnene and Her Times* / Ed. by T. Gouma-Peterson. New York, London, 2000. P. 169–186.

³ *Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). Muenchen, 1891. S. 78–81.

⁴ *Pernot M.* Ferdinand Chalandon. Nécrologie // *Mélanges d'archéologie et d'histoire.* 1921. Vol. 39. P. 333–337.

Гиббона и его эпигонов о том, что Византия якобы была мумифицированным реликтом давно умершего эллинистического мира, которому противостояли молодые народы Европы и Азии. Реальная история свидетельствует о том, что Византийская империя на протяжении нескольких веков, с VII по X столетия, в одиночку противостояла всей мощи Арабского халифата, одновременно сдерживая диких аваров, болгар и славян на Балканах. Несмотря на подобное, весьма сложное, положение Византийская империя нашла в себе силы во второй половине X века перейти в контрнаступление на всех фронтах – завоевала Крит, Сирию, Болгарию, часть Грузии при Никифоре II Фоке, Иоанне I Цимисхии и Василии II, а к середине XI века, в царствование Михаила IV Пафлагонца и Константина IX Мономаха, покорила значительную часть Сицилии и Великую Армению. Крушение византийской военной машины в 1060–1070-е годы под натиском сельджуков, печенегов, узов и норманнов вроде бы предвещало окончательную – после недолгого расцвета – гибель Византии. Однако молодой domestik схол Алексей Комнин, захвативший престол весной 1081 года, сумел резко переломить ситуацию, последовательно отразить наступление противника на всех стратегических направлениях, а затем перейти в контрнаступление как на Балканах, так и в Малой Азии⁵. Победы Алексея Комнина вернули Византии статус великой державы, который империя не только сохранила, но и значительно преумножила в царствование двух преемников Алексея – Иоанна II и Мануила I.

⁵ Степаненко В. П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск, 1988. С. 24–94.

Византийская знатная дама в образе Саломеи с головой Иоанна Крестителя. Мозаика из баптистерия собора Сан-Марко, Венеция, XIII–XIV века

Настоящая работа представляет собой попытку анализа внешней политики императора Алексея I Комнина с точки зрения исследования его стратегии. Воздерживаясь от пересказа общеизвестных сторон внутренней политики Алексея Комнина, освещенных Я. Н. Любарским, отношений Алексея Комнина с крестоносцами, исследованных Фердинандом Шаландоном и Стивеном Рансименом, обходя по-возможности стороной законотворческую деятельность Алексея и пресловутую проблему византийского феодализма, изучавшуюся А. А. Васильевым, А. П. Кажданом и Г. Г. Литавриным, мы намерены на страницах данной книги остановиться на анализе военной деятельности Алексея Комнина и осветить его стратегию, обозначив в ней как сильные, так и слабые стороны. Нашим основным источником для решения этой задачи является «Алексиада» Анны Комниной – фундаментальный памятник византийской историографии, литературы и культуры, который остается важнейшим и, в некоторых аспектах, единственным источником не только для реконструкции самых разных сторон царствования импе-

ратора Алексея Комнина, но также для изучения истории сельджуков Малой Азии, сербов, печенегов и половцев на рубеже XI–XII веков. В определенной степени наша работа представляет собой не столько исследование стратегии императора Алексея Комнина самой по себе, сколько изучение того, как эта стратегия отразилась в сочинении Анны Комниной, которая стала, пожалуй, наиболее талантливой наследницей своего отца.

Анна Комнина

Выдающийся французский историк-византист Шарль Диль в своем очерке, посвященном Анне Комниной, процитировал одного из византийских ораторов XII века, который в надгробном слове, посвященном принцессе Анне, высказал мысль о том, что, будь Анна современницей древних эллинов, ее сочли бы десятой музой и четвертой грацией⁶. Столь лестная характеристика по праву отражала ту яркую и неповторимую роль, которую Анна, благодаря своему творческому и критическому уму, сыграла в культурной истории Византийской империи. Анна Комнина – преданная дочь великого императора, утонченная ценительница античной словесности, поклонница Гомера, страстная женщина, сводившая с ума своего осторожного супруга Никифора Вриенния и побуждавшая его к тому, чтобы начать рискованную игру ради обретения императорской порфиры, – запечатлела в главном своем произведении драматический и ключевой этап в судьбе Византийской империи. Ее отец – Алексей Комнин, посредством напряжения всех своих сил превратил распадающуюся империю ромеев в ведущее государство Восточной Европы как в военном, так и в культурно-политическом отношении. Он укрепил потенциал империи и создал предпосылки, необходимые для превращения христианского эллинизма в стратегическое направление развития европейской цивилизации. Активные контакты с итальянскими морскими державами – в первую очередь с Венецией, а также с Амальфи, Пизой, Генуей, – инициированные дипломатией Алексея, в перспективе оказали серьезное воздействие на экономическое, социальное и культурное развитие этих государств, создали условия для культурных процессов, предопределивших итальянское «Возрождение». Кровавая эпоха Алексея Комнина, которая вознесла Византийскую империю из бездны полного разложения на Олимп военной славы и культурно-политического процветания, описана Анной столь талантливо, что, как уже было отмечено, крупнейший знаток византийской литературы Карл Крумбахер признавал «Алексиаду» Анны лучшим историческим сочинением, которое оставило нам Средневековье.

В лице императора Алексея история словно давала Византийской империи последний шанс на историческое выживание. На основании сообщения Анны Комниной о том, что в 1071 году ее отец пребывал в четырнадцатилетнем возрасте, мы можем определить предположительную дату его рождения. Возможно, император Алексей родился в 1057 году, т. е. в том году, когда дядя Алексея – предводитель военной знати малоазиатских фем по имени Исаак Комнин нанес поражение правительственным войскам императора Михаила VI Стратиотика и захватил престол в Константинополе. И хотя правление Исаака I Комнина было недолгим, возвышение семьи Комнинов в эту эпоху сыграло важную роль в судьбе будущего императора Алексея. Однако на основании сообщения Иоанна Зонары в научной литературе была высказана иная точка зрения относительно времени рождения Алексея. Император мог появиться на свет на десять лет раньше даты, определяемой в соответствии с сообщением Анны Комниной, а именно около 1047 года⁷. В таком случае, Алексей мог уже вполне отчетливо помнить восстание своего дяди Исаака и его кратковременное царствование. В середине XI века, в то самое время, когда родился будущий император Алексей, Византийская империя столкнулась с совершенно новыми угрозами, с последствиями которых в полной мере пришлось иметь дело преемникам императора Исаака I.

Анна Комнина родилась 2 декабря 1083 года в порфировой палате Большого Императорского Дворца – в тот момент, когда, по справедливому замечанию Я. Н. Любарского, император

⁶ Diehl C. *Figures Byzantines*. Vol. II. Paris, 1908. P. 52.

⁷ Chalandon F. *Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles*. Vol. I: *Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène* (1081–1118). Paris, 1900. P. 23–24.

Алексей отбил у норманнов крепость Касторию и возвращался в Константинополь. Годы детства и юности порфирородная принцесса провела в том же Большом Императорском дворце, возле своего обрученного жениха Константина Дуки, которого до рождения собственного сына Алексей рассматривал в качестве наследника престола. В последующие годы брак с Никифором Вриеннием (с 1097 года), участие в заговоре с целью отстранения родного брата Иоанна Комнина от наследования престола (август 1118 года), ссылка в монастырь Богородицы Благодатной (Кехаритомени) наложили определенный отпечаток на характер Анны, зрелые годы которой, в силу сложившихся обстоятельств, оказались посвящены научным исследованиям. Теплые отношения Анны с отцом, счастливый брак с Никифором Вриеннием, доступ к императорскому архиву, личное знакомство со многими выдающимися военачальниками и дипломатами, служившими императору Алексею, такими как Георгий Палеолог, Татикий, и, наконец, собственный супруг Никифор Вриенний, – все эти обстоятельства сформировали тот необходимый фундамент, опираясь на который принцесса смогла создать историческое произведение, вполне сопоставимое по своему значению с сочинениями Прокопия Кесарийского. «Алексиада» была завершена Анной в конце жизни – в период 1143/45–1148 годов, когда империей правил ее молодой и талантливый племянник – императора Мануил I Комнин (1118–1180).

Император Алексей I Комнин (1081–1118). Миниатюра из рукописи «Догматической Паноплии» Евфимия Зигабена Vat.gr.666, Fol.2r

Вероятно, Анна следила за современными политическими событиями, живя в монастыре по-царски. Во всяком случае, от пристального внимания принцессы не могла ускользнуть смертельная опасность, в которой оказался Константинополь в сентябре 1147 года. Слушая рассказы придворных о происходящем за пределами столицы, умудренная жизненным опытом Анна как будто возвращалась в наполненные драматическими событиями дни своей прекрасной юности. Как и полвека назад, в далеком 1096 году, ранней осенью 1147 года под стенами Византии вновь оказались крестоносцы – немецкие рыцари под командованием германского короля Конрада III, которые ожидали подхода армии французского короля Людовика VII⁸. Только если участники Первого Крестового похода, несмотря на отдельные эксцессы, находились под контролем императора Алексея и, за исключением племянника Боэмунда Тарентского Танкреда, были настроены на союз с Византийской империей, то между Конрадом и Мануилом фактически начались боевые действия, которые распространились вдоль дорог, по которым перемещались отряды крестоносцев во Фракии. Мануил уже заключил тайный союз с Масудом I (1116–1156), султаном сельджуков Рума, которых его дед император Алексей после блистательной победы при Филомелионе обязал убраться из Анатолии. Наблюдая на склоне своих лет неприглядную реальность усугублявшейся военно-политической изоляции империи, Анна словно хотела вернуть читателя в ту славную эпоху, когда на исходе кровавого XI века ее отец император Алексей смог спасти, казалось бы, погибающую Византийскую империю.

⁸ *Magdalino P. The Pen of the Aunt: Echoes of the Mid – twelfth Century in the Alexiad // Anna Komnene and Her Times. New York, London, 2000. P. 15–44.*

Юлия Соколовская (род. 1973 г.) «Анна Комнина». Публикуется с разрешения автора

Уже первая глава «Алексиады», рассказывающая о событиях 1070-х годов и повествующая о молодости императора Алексея, вводит читателя в круг основных проблем византийской общественно-политической жизни того времени. Как рассказывает Анна, Алексей начал военную службу еще при императоре Романе IV Диогене (1068–1071). В возрасте четырнадцати лет Алексей пытался завербоваться в армию накануне фатального для Византийской империи похода Романа Диогена против сельджуков. Этот поход завершился в августе 1071 года страшным поражением ромеев в битве при Манцикерте и пленением Романа. Анна Комнина называет сельджуков персами, следуя, в данном случае, по-видимому, не столько византийской традиции использования античных этнонимов, сколько определяя культурно-политический характер империи Великих Сельджукидов, которые приняли старинный сасанидский титул шахиншахов. В первых двух книгах «Алексиады» Анна пересказывала исторические записки своего супруга Никифора Вриенния, хотя он более подробно остановился на событиях, связанных с началом сельджукского завоевания Хорасана и иных земель государства Газневидов.

Причины поражения, понесенного византийцами от сельджуков в битве при Манцикерте, равно как и причины краха византийской обороны в анатолийских фемах в целом, давно инте-

ресуют исследователей. Изучение этих причин занимало практически всех крупных византистов XX века, начиная от Фердинанда Шаландона и А. А. Васильева, и заканчивая такими крупными специалистами, как Стивен Рансимен, А. П. Каждан, П. Магдалино, П. Лемерль, М. Энголд, Г. Г. Литаврин, Я. Н. Любарский.

После смерти императора Василия II в декабре 1025 года Византийская империя погрузилась в смутный период междоусобной военно-политической борьбы⁹. В современном византиноведении утвердилось мнение о том, что отмеченный период смут вовсе не был связан с глубоким социально-экономическим кризисом Византийской империи в середине XI века, который с точки зрения некоторых исследователей первой половины XX века якобы имел место в этот период и был обусловлен социальным расслоением населения провинциальных фем на волостелей и бедных, разорением стратиотов, увеличением феодальных проний, закрепощением крестьян, и, как следствие, налоговым дефицитом. Подлинные причины смуты середины XI века в Византийской империи, вероятно, были вызваны кризисом старой, в истоках своих еще римской, системы управления в условиях острого противостояния между бюрократией столицы и военной знатью провинций. Смуты XI века были, в сущности, продолжением гражданских войн, бушевавших в Византии уже во вторую половину X века, в период восстаний Варды Склира и Варды Фоки, которые определили характер ранних лет правления императора Василия II (976–1025). Сущность этих гражданских войн заключалась в борьбе за власть между двумя группировками. Чиновничество многонациональной империи – греческое в Константинополе и, вероятно, славянское в балканских фемах – столкнулось с претензиями на власть военной знати, преимущественно из восточных фем, имевшей в основном греко-армянское или греко-грузинское происхождение. Знатные армянские семьи, веками, еще со времен Ираклия, служившие империи на восточной границе, комплектовавшие тяжелую конницу катафрактов, закаленные в бесконечных войнах с арабами, совершенно логично стали претендовать на участие в управлении страной, опираясь на собственные профессиональные дружины. Эти аристократические семьи дали Византийской империи таких блистательных полководцев как Иоанн Куркуас, Лев и Варда Фока в X веке, Георгий Маниак, Катакалон Кекавмен и Григорий Бакуриани¹⁰ в XI веке. Эти семьи дали империи таких императоров-воинов как Никифор II Фока (963–969) и Иоанн I Цимисхий (969–976). В борьбе против этих семей столичные чиновники могли опереться лишь на наемников, а в X веке – преимущественно на варягов, как скандинавов, так и русов. Во второй половине XI века к варяжской гвардии прибавились норманнские и немецкие рыцари, а после 1066 года также англосаксы и английские даны. К моменту «комниновской революции» в феврале-апреле 1081 года империя была истощена постоянными гражданскими войнами, на фоне которых – особенно после отречения императора Исаака I Комнина в декабре 1059 года – происходило завоевание италийских и анатолийских владений Византийской империи норманнами и сельджуками.

Мятежи Георгия Маниака – блестящего стратига, бывшего арабов на Сицилии, Льва Торника, Исаака Комнина формировали ту общественную атмосферу, в которой проходило детство Алексея Комнина. Эти мятежи весьма характерны как примеры постоянно тлеющей внутренней смуты, демонстрировавшей неустойчивость традиционной византийской политической системы. После нападения сельджуков и печенегов на Византийскую империю и поражения при Манцикерте в августе 1071 года последовала гражданская война, предательство и ослепление императора Романа Диогена родственниками его жены императрицы Евдокии. Эти события подорвали авторитет правящего семейства Дук и легитимность этой династии в глазах

⁹ Морозов М. А. Фердинанд Шаландон и его книга об Алексее I Комнине // Шаландон Ф. Алексей I Комнин: история правления (1081–1118). СПб., 2017. С. 5–14.

¹⁰ Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 28–33, 60–63 и др.; Шандровская В. С. Сведения об армянских деятелях по данным византийских печатей из коллекции Эрмитажа // Античная древность и средние века. 2015. Т. 43. С. 170–177.

военной знати. На этом фоне новые военные мятежи Русселя де Байоля, Никифора Вриенния старшего, Никифора Васибеки, Никифора Вотаниата, Никифора Мелиссина¹¹ в конце 1070-х – начале 1080-х годов уже не воспринимались современниками как нечто из ряда вон выходящее, даже несмотря на то, что указанные мятежи происходили на фоне активного наступления сельджуков вглубь восточных фем Византийской империи, а печенегов на Балканах. Мятежники – «тираны», согласно византийской политической терминологии – даже охотно пользовались услугами кочевников и повстанцев в борьбе за императорскую порфиру. В частности, Никифор Вриенний и Никифор Васибеки привлекали в свою армию болгар и, вероятно, печенегов, а Никифор Мелиссин опирался на Сулеймана Кутулмышу – кузена Великого Сельджукида Малик Шаха, которому предал Вифинию. Восстание Алексея и Исаака Комнинов стало последним мятежом военной знати, успех которого привел к утверждению на византийском престоле новой династии и рождению новой эпохи.

Михаил Пселл в энкомии, адресованном патриарху Константину Лихуду (1059–1063), связывал происхождение семейства Комнинов – вероятно, греческое, а не армянское – с фракийской деревней Комни в окрестностях Филиппополя. Спустя три столетия император Иоанн VI Кантакузин (1347–1354) упоминал «Комниновы поля» (Κομνηνῆς λεϊμῶνας) в окрестностях Адрианополя¹². Первыми известными представителями этой семьи стали Исаак Комнин, родившийся около 935–940 года, и сын Исаака, Мануил Эротик Комнин (+ ок. 1020), стратиг императора Василия II, оборонявший Никею от войск мятежника Варды Склира в 979 году¹³. В первой половине XI века Комнины превратились в могущественное семейство, принадлежавшее к высшей военной аристократии Малой Азии. Земельные владения Комнинов раскинулись на широких просторах Пафлагонии. Замки Комнинов, по-видимому, были сконцентрированы в районе Кастамона. Сын Мануила Эротика – талантливый военачальник Исаак Комнин, командующий восточной армией, как уже было отмечено выше, поднял восстание против центральной власти в 1057 году, разгромил правительственные войска в битве при Петрое 20 августа 1057 года и захватил Константинополь. Однако через два года император Исаак I, уже разбивший венгров и печенегов на Дунае, заболел и, по невыясненным до конца причинам, отрекся от престола, передав власть жене – императрице Екатерине Болгарской и Константину Дуке. Вскоре императрица Екатерина была лишена регентства и отстранена от управления империей Дуками. У Исаака I был брат по имени Иоанн, женатый на знатной аристократке, дочери катепана Италии Константина Далассина по имени Анна. У Иоанна Комнина и Анны Далассины родилось восемь человек детей, среди которых предпоследним сыном был будущий император Алексей Комнин. Напрасно Анна Далассина в декабре 1059 года уговаривала мужа принять бразды правления после отречения брата. По неизвестным в полной мере причинам Иоанн проявил смирение и отказался от порфиры. Возможно, он не хотел идти против воли старшего брата и становиться конкурентом императрице Екатерине, а когда Екатерина была отстранена Дуками, было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Престол отдали сенатору Константину Дуке, а Иоанн Комнин отошел в тень и 12 июля 1067 года умер. С тех пор Анна Далассина, оставшись в полном одиночестве, воспитывала восьмерых детей. Старший сын Иоанна Комнина и Анны Далассины – молодой военачальник Мануил Комнин верой и правдой служил империи, воюя с сельджуками, и скончался в 1070 году во время похода в Вифинии. Анна Далассина не приняла переворот 1072 года, в результате которого Дуки разбили войска, преданные Роману Диогену, а затем захватили и ослепили

¹¹ Шандровская В. С. Некоторые исторические деятели «Алексиады» и их печати // Палестинский сборник. Вып. 23 (86). Л., 1970. С. 28–45.

¹² Ioannis Cantacuzeni Historiarum. Bd. I. Bonn, 1828. P. 508; Βαρσσοῦ Κ. Η Γενεαλογία των Κομνηνῶν. Τ. Ι. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 25.

¹³ Βαρσσοῦ Κ. Η Γενεαλογία των Κομνηνῶν... Τ. Ι. Σ. 37–38; Nicephori Bryennii Commentarii. Bonn, 1836. S. 17; Georgii Cedreni Ioannis Scylitzae ope suppletus et emendatus. Vol. II. Bonn, 1839. S. 428–429.

императора. Анну судили, но она заставила уважать себя мужественным поведением в суде, сжимая в руке распятие. Указывая на распятого Христа, Анна смело бросила в лицо судьям: «Вот кто мой Судья, а не вы».

Bibliothèque nationale de France

Святая Равноапостольная Императрица Елена. Миниатюра из рукописи «Гомилий свя-
тителя Григория Назианзина» Paris BNF gr. 510 Fol. 583

Дело ограничилось ссылкой на Принцезы острова. Противостояние Анны семейству Дук, смерть родных, свержение Романа Диогена, наконец, опала и ссылка выковали характер этой знатной деспины – властный и непримиримый. Анне Далассине еще суждено будет проявить себя как в грозные дни комниновского переворота в феврале-апреле 1081 года, так и после него, когда преданный сын на долгие годы передаст матушке бразды гражданского управления Византийской империей¹⁴. К тому моменту, когда подросли младшие сыновья Анны Далас-
сины – Исаак и Алексей, у аристократической военной партии, к которой принадлежали кланы

¹⁴ Diehl C. Figures Byzantines. Vol. I. Paris, 1906. P. 317–342.

Комнинов и Далассинов, появилась надежда на отстранение семейства Дук и возвращение политического влияния военной знати. Как полагал Шарль Диль, Анна Далассина активно поощряла военную карьеру своих сыновей, мечтая о реванше и захвате власти. В частности, возможно, что именно Анна стояла за стремлением своего сына Алексея отправиться в действующую армию весной 1071 года. Уже через два года, в 1073 году, новый император – безвольный и вялый Михаил VII Дука Параринак (1071–1078) назначил Исаака и Алексея архонтами в полевую армию, действующую на Востоке против сельджуков. Оба брата вскоре стали чрезвычайно популярны в войсках. Исаак был направлен в Антиохию, дабы управлять этим важнейшим византийским стратегическим центром в Сирии. Алексей получил задачу подавить мятеж норманнских рыцарей во главе с наемником Русселем де Байолем, который служил Роману Диогену, а после его гибели задумал отложиться от империи и создать собственное княжество в районе Анкиры. Возможно, император Михаил надеялся, что молодой Алексей «свернет себе шею», приняв это назначение, и поэтому мать отговаривала сына. Однако Алексей не привык отступать и доверился доблести своих солдат. Прежде чем подробнее рассмотреть военную карьеру Алексея в 1070-е годы, посмотрим на тех, кто был главным врагом Византийской империи на востоке в этот период.

Происхождение сельджуков

Анна Комнина начинает рассказ о жизни отца, утверждая, что весной 1071 года юный Алексей, еще будучи в возрасте 14 лет¹⁵, мечтал попасть в армию императора Романа IV Диогена и принять участие в кампании против сельджуков, вероятно, в качестве пажа при василевсе. Анна писала так: «Он начал службу еще при Романе Диогене... В возрасте четырнадцати лет он стремился принять участие в большой военной экспедиции против персов, которую предпринял император Диоген; в своем неудержимом стремлении Алексей раздражался угрозами по адресу варваров и говорил, что в битве напоит меч их кровью»

[Ἦρξατο μὲν γὰρ στρατεύειν ἐπὶ Ῥωμανοῦ τοῦ Διογένους... Οὗτος γὰρ τεσσαρεσκαίδεκάτου ἔτους ὄν κατ' ἐκεῖνο καιροῦ συνεκστρατεύειν ἠλείγετο τῷ βασιλεῖ Διογένει κατὰ Περσῶν βαρυτάτην ἄγοντι στρατιάν, καὶ ἀπὸ γε τοῦδε ὀρμήματος ἀπειλήν κατὰ τῶν βαρβάρων ἐμφαίνων καὶ ὡς, εἰ συμπλακῆσεται τοῖς βαρβάροις, τὸ ξίφος αὐτοῦ μεθύσει ἀφ' αἵματος.]¹⁶.

Анна, без сомнения, имеет ввиду последний поход Романа Диогена против сельджуков Алп Арслана, который столь трагически закончился на берегах озера Ван, около Манцикерта. Предусмотрительный Роман Диоген запретил юному Алексею участвовать в походе, так как мать Алексея Комнина Анна Далассина уже потеряла своего старшего сына Мануила – стратега восточных тагм, который, как было сказано выше, воевал с сельджуками и умер в Вифинии от воспаления среднего уха. Уже первый эпизод из сознательной жизни Алексея Комнина, связанный с Романом Диогеном, заставляет нас подробнее рассмотреть военную и политическую ситуацию, вызвавшую походы этого императора в Каппадокию и Арменияк.

Богатый исторический опыт, накопленный Византийской империей в раннее Средневековье, на протяжении нескольких веков борьбы со степными кочевниками – гуннами, аварами, булгарами, а также с более цивилизованными народами – персами и арабами, оказался удивительным образом не востребован в тот момент, когда Византия в царствование Константина IX Мономаха (1042–1055) еще наслаждалась инерцией военно-политического величия, доставшегося в наследство от эпохи правления Василия II (976–1025), а на восточных границах Византийской империи уже показались полчища нового кочевого народа – сельджуков. Этот народ был близким родственником печенегов, уже хорошо знакомых василевсам ромеев с IX века. Еще в IX–X веках в районе Хорезма, между Аральским и Каспийским морями происходила интенсивная концентрация и консолидация тюркских племен огузов. Однако точное происхождение сельджуков в настоящее время до конца не выяснено.

¹⁵ Если мы, доверяя Анне Комниной, принимаем 1057 год в качестве даты рождения Алексея, следовательно, в 1071 году будущему императору было 14 лет, а в 1077 году 19 лет. При всех стратегических талантах Алексея, проявленных при защите Византии, трудно представить себе, что в возрасте 16 лет Алексей уже выполнял приказ Михаила VII Парапинака о поимке Русселя де Байоля (ок. 1073 года), а в возрасте 21 года командовал армией, направленной на подавление мятежа Никифора Вриенния старшего (1078 год). Возможно, что в период походов Романа Диогена на сельджуков Алексей был несколько старше. По крайней мере, Фердинанд Шаландон, на основании сообщения Зонары о том, что в 1118 году Алексею было 70 лет, полагал, что Алексей Комнин родился примерно в 1047/1048 году (См.: *Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles...* Vol. I. P. 23–24; *Ioannis Zonarae Annales. Vol. III. Bonn, 1897. S. 764*).

¹⁶ *Annae Comnenae Alexias. B. I. Berlin, New York, 2001. S. 11; Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996. С. 56–57.*

Побег Константина Дуки из арабского плена в 908 году. Миниатюра из рукописи «Мадридского Скилицы» MS Graecus Vitr. 26–2, середина XII века

Если следовать классической точке зрения В. В. Бартольда, необходимо признать, что сельджуки произошли от тюркского племени кынык¹⁷. В эпоху Западного Тюркского каганата, в VII веке, предки племени кынык будто бы вторглись в Приаральские степи из Семиречья и завоевали пастбища, где кочевали всадники из племени канглы (возможно, родственники печенегов). Эти пастбища еще в античную эпоху принадлежали далеким предкам канглы – сако-массагетским ираноязычным племенам, создавшим Кангюй, Парфянское царство и Кушанскую империю в III–II веках до Р. Х. Как полагали В. В. Бартольд и С. П. Толстов, племена канглы и кынык приняли участие в ассимиляции тех немногочисленных остатков сако-массагетских племен, которые уцелели после столкновений с ранними волнами тюрко-монгольских кочевников, – с гуннами, эфталитами, аварами и древними тюрками Ашина в IV–VI веках¹⁸, хотя, по мнению Яноша Харматта и Петера Голдена, гунны и тюрки Ашина говорили в основной своей массе на восточно-иранском языке, близком к хотано-сакскому, а не на тюркском¹⁹.

В исследовательской литературе высказывались и иные точки зрения относительно происхождения сельджуков. В частности, некоторые этнологи полагали, что сельджуки, или, по крайней мере, сельджукская военная знать изначально были связаны с монгольскими ханами племени салджиут, обязанного своим происхождением легендарной ханше Алан-гоа. Салджиут кочевали в раннее Средневековье в Прибайкалье, а также вдоль юго-западных притоков Ангары²⁰. Как предполагал Г. В. Вернадский, фольклорный образ Алан-Гоа, зафиксированный в XIII веке в «Сокровенном сказании» монголов, мог быть связан с исторической памятью о древних аланах, которые принимали участие в этногенезе монголов или, во всяком случае, запечатлелись в древнейшей монгольской эпической традиции. Одним из аргументов в пользу предположения о монгольском происхождении династии великих сельджукидов может быть то обстоятельство, что основатель династии Сельджук и его сын Микаил были христианами. Христианство в несторианской форме было распространено среди ранних монгольских племен, и, как отмечал Г. В. Вернадский, предание из «Сокровенного сказания» о чудесном рождении сыновей Алан-Гоа могло опираться на фольклорную интерпретацию монголами исто-

¹⁷ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 90–96.

¹⁸ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 213–219.

¹⁹ History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The Development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris, 1994. P. 485–493; Golden P. Some Thoughts on the Origins of the Turks and the Shaping of the Turkic Peoples // Contact and Exchange in the Ancient World. Honolulu, 2006. P. 142.

²⁰ Blochet E. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden – London, 1910. P. 303.

рии Благовещения Девы Марии²¹. Возможно, ранние сельджуки имели родственные связи с ханами найманов или кереитов, которые исповедовали христианство в несторианской форме и периодически контролировали степи Семиречья²².

Одним из основных аргументов сторонников монгольской теории происхождения сельджуков – помимо чисто лингвистического (салджиут/сельджук) – является ссылка на памятники сельджукского изобразительного искусства, созданные в эпоху империи Великих Сельджукидов (XI–XII века) и сохранившиеся в Иране и Средней Азии. Значительная часть этих памятников была выставлена в Нью-Йорке в музее Метрополитен в рамках выставки под названием «Двор и космос. Великий век сельджуков» в 2016 году²³. Сельджукские памятники – в частности, стелы с изображением воинов, характерные для многих тюрко-монгольских кочевых культур раннего Средневековья, росписи на керамической посуде, статуэтки и изображения султанов, например, Тогрул Бека, Малик Шаха – фиксируют ярко выраженные антропологические признаки принадлежности знати сельджуков, сельджукской военной элиты к монголоидной расе, к которой не принадлежат ни туркмены, ни завоеванные сельджуками представители фергано-памирской расы Хорасана. Наличие в массе туркменских племен, подвластных сельджукам, господствующего монгольского элемента подтверждается не только памятниками изобразительного искусства, но и некоторыми нормами обычного права сельджуков. Дробление державы Великих Сельджукидов, начавшееся уже при преемниках Малик Шаха, находит закономерное объяснение с точки зрения лестничной системы наследования улусов, которая будет отличительной чертой монголов-чингизидов, и которая, по всей видимости, существовала также у сельджуков, и отсутствовала в системе наследования тюрко-иранских династий XI–XII веков – Газневидов, Эйюбидов, Ануштегинидов. Как для сельджуков, так позднее и для монголов-чингизидов в равной степени был характерен правовой дуализм, который предполагал, что хан, принадлежащий к верховному роду, заимствует титул правителей покоренной территории и одновременно остается ханом для своих воинов. Тогрул Бек, хан сельджуков, затем Алп-Арслан и Малик Шах приняли титул «шахиншаха» и «султана ислама», оставаясь ханами для своих соплеменников. Точно так же в XIII веке будут действовать монголы-чингизиды – создатели государства ильханов в Иране и империи Юань в Китае. Разница между ними заключалась лишь в позиции, занятой по отношению к халифату Аббасидов. Сельджуки, уже принявшие ислам к моменту завоевания Ирака, оказали почести халифу, после взятия Багдада признали его духовным владыкой уммы, а монголы-чингизиды, бывшие либо язычниками-тенгрианами, либо несторианами, вероятно, зная драматическую историю правления сельджуков в Ираке, халифа и весь его род умертвили. С этой точки зрения весьма досадна ошибка Г. Г. Литаврина, назвавшего Тогрул Бека «багдадским халифом», комментируя титулование хана сельджуков Катакалоном Кекавменом и Михаилом Атталиатом как «василевса персов» в качестве примера традиционной архаизации этнонимов в византийской исторической литературе²⁴. Тогрул Бек не был халифом Багдада, и его титулование как «василевса персов» было связано с тем, что завоеватели-сельджуки действительно считались шахами Ирана в персидской политической публицистике XI века, например, в «Сиасет Наме» Низам аль Мулька.

²¹ Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. М., 2016. С. 13–15; *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь – М., 2000. С. 46–53.

²² *Asim N. Türk Tarihi.* Istanbul, 1898. P. 244–245; *Агаджанов С. Г.* Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии // Тюркологический сборник. М., 1970. С. 192–207.

²³ *Canby S. R., Beyazit D., Ruggadi M., Peacock A. C. S. Court and Cosmos. The Great Age of the Seljuqs.* New York, 2016. P. 2–15.

²⁴ *Кекавмен.* Советы и рассказы. СПб., 2003. С. 373.

Сельджукский воин. Нью-Йорк. Музей Метрополитен. XI–XII века

С точки зрения современного исследователя А. Пикока, следующего сообщениям арабо-персидской историографии, сельджуки были связаны с огузской военной знатью Хазарского каганата²⁵, которая после окончательного упадка каганата на рубеже X–XI веков в поисках новых владений устремилась на юг – в Хорезм и Хорасан. Данная точка зрения не противоречит теории монгольского происхождения сельджукской военной знати, так как монгольские предки Тогрул Бека могли вступать в договорные отношения с хазарскими каганами, брать в жены тюркских княжон, а основную массу сельджукских вооруженных сил, в любом случае, составляли тюркские племена огузов. Завоевание сельджуками Анатолии после 1071 года создало предпосылки для ассимиляции тюрками греческого населения этого региона, а новые потоки туркменских племен, мигрировавших по маршрутам, которые были проложены сельджуками в XI веке, в итоге привели к появлению в конце XIII века османского государства. Вместе с тем, гипотеза о монгольском происхождении династии Сельджукидов в определенной степени может быть подкреплена фактами из истории соседней империи Ляо, созданной в X веке воинственными киданями в монгольских степях и в северном Китае. Возвышение рода Сельджука среди многочисленных тюркских ханов может быть объяснено лишь исклю-

²⁵ Peacock A. C. S. Early Seljūq History: A New Interpretation. London – New York, 2010. P. 16–46.

чительно мощным военным потенциалом сельджукской орды, истоки которого, вероятно, следует искать в более широких процессах, связанных с началом экспансии монгольских племен в Центральной Азии в X–XI веках.

В конце X века Сельджук (+1038) – сын Тоака из рода Тугшермыша, служил огузскому ябгу и, возможно, также хазарским каганам. Подлинная биография Сельджука овеяна легендами, которые были зафиксированы в «Малик-наме» – утраченном эпическом памятнике на персидском языке, фрагменты которого сохранились в сочинении Мирхонда, придворного историка Тимуридов²⁶. Сельджуку удалось установить контроль над племенем кынык и стать его вождем, основав династию²⁷.

Так родились сельджуки – народ, очень скоро ставший завоевателем среднего и значительной части ближнего Востока. По одной из версий, Сельджук в ставке огузского ябгу стал сю-баши, т. е. верховным главнокомандующим, навлек на себя ненависть любимой жены ябгу и вынужден был бежать со своим племенем на юг. По другой версии, Сельджук отложился от Хазарского каганата после разгрома Итиля – хазарской столицы дружиной киевского князя Святослава, после чего ушел в степи к южным берегам Аральского моря. Сельджук скончался около 1038 года в Дженде – древнем городе на правом берегу Жандарьи, разоренном в 1220 году монгольскими войсками Джучи. Сын Сельджука по имени Микаил (+1009) был христианином, однако сыновья Микаила, внуки Сельджука – Мухаммад Тогрул Бек и Чагры Бек Дауд сознательно приняли ислам, желая начать военную экспансию на территориях мусульманских государств Ирана и Хорасана. Внуки Сельджука покинули окрестности Дженды вместе со своими ордами, и в начале 1030-х годов попросились на службу к султану Масуду, правителю обширной империи Газневидов. Владения Газневидов охватывали Хорасан и западную Индию. Как следует из источников – в частности, из сохранившихся фрагментов «Малик-наме», из сочинения Мирхонда, придворного историка Тимуридов, – уже в начале 1030-х годов отряды сельджуков совершили набег на территории Армении и Азербайджана²⁸. Опасаясь, что Сельджуки захватят Хорасан, Масуд начал против них войну. Сельджуки нанесли сокрушительное поражение армии Масуда в битве при Данданакане Мервском 23–25 мая 1040 года.

Таджикский историк Байхаки, участник сражения, так описывал начало этого побоища: «Знамен Тогрула, Ябгу и Дау-да нигде не было видно. Говорили, они находятся в сторожевом полку, выдвинули вперед всех самых отборных вояк, а сами стоят наготове, дабы ежели что-либо случится, уйти вслед за обозом. Вследствие больших трудностей, кои были в этот день, [неприятель] не сумел преградить путь нашим людям, и они бились хорошо»²⁹. Однако измена туркменской конницы, служившей прежде газневидским султанам, решила исход дела в пользу сельджуков. Конница сельджуков, быстрая и маневренная, идейно мотивированная и преданная своим командирам, наголову разбила полчища Газневидов, которых не спасли ни индийские слоны, закованные в доспехи, ни латная конница хорасанских дехканов. Гвардия Масуда последней отходила с поля сражения. Рассказывает Байхаки: «Подходил разбежавшийся народ. По всей дороге мы проходили мимо брошенных кольчуг, лат, щитов и тяжелой клади. На рассвете слонов погнали быстрее. Я отстал и остановился. Вдали виднелись огни войскового стана. Поздним утром я доехал до замка Беркерд. Преследовавшие нас туркмены там отстали. Я ухитрился переправиться через речку Беркерд. Эмира я не застал, он уже отбыл в сторону Мерва»³⁰. Поражение Масуда предопределило судьбу его государства и всего реги-

²⁶ Mirchondi Historia Seldschukidarum / Hrsg. von. M. K. M. Khvand, J. A. Vullers. Giessen, 1838. P. 1–5; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939. С. 450–454.

²⁷ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов... С. 90–96.

²⁸ Агаджанов С. Г., Юзбашия К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI веке // Палестинский сборник. Вып. 13 (76). М.; Л., 1976. С. 144–158.

²⁹ Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда / Пер. А. К. Арендса. Ташкент, 1962. С. 446.

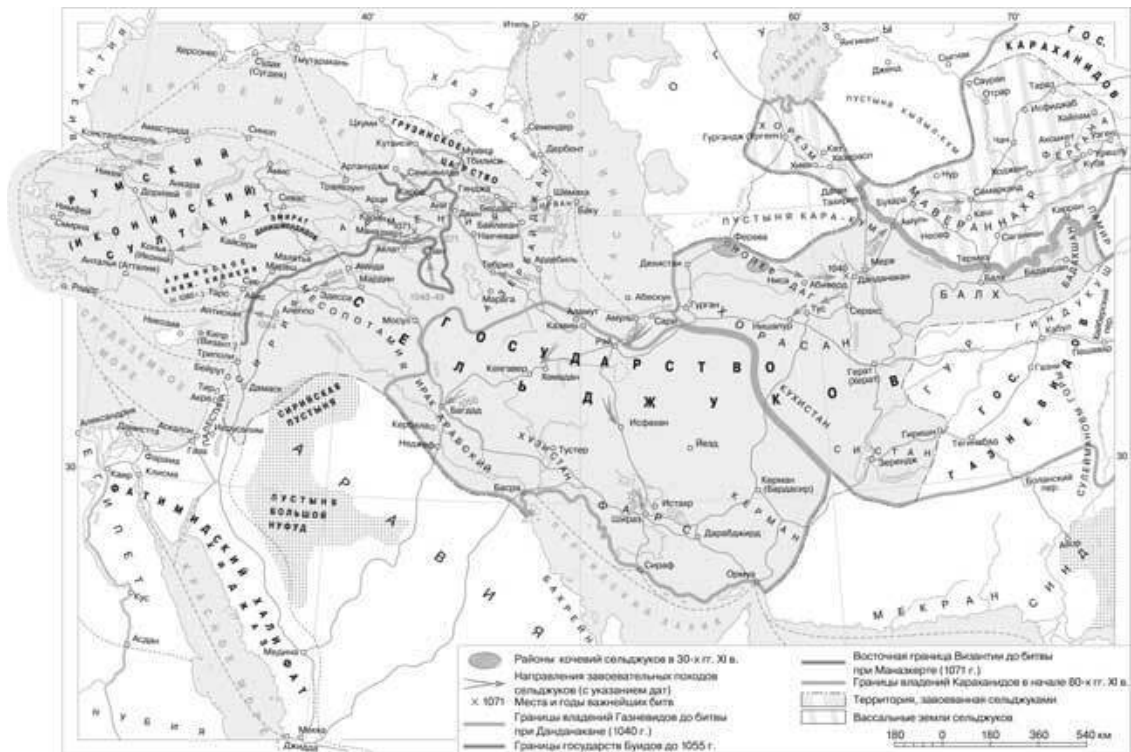
³⁰ Там же. С. 448–449.

она. В течении нескольких лет сельджуки завоевали значительную часть владений Газневидов и Буидов – Хорасан, Мавераннахр, Иран и Ирак, приняли сасанидский титул «шахиншахов», а также особый титул «султанов ислама»³¹. Позднее, по мере развития сельджукской экспансии новоперсидский язык стал языком двора сельджукских султанов, языком светской литературы и официального общения в огромной империи, границы которой к концу XI века простирались от западного побережья Малой Азии до хребтов Памира и степей Средней Азии, подобно Сасанидской державе времен Хосрова II Апарвеза (591–628).

Сельджуки завоевали Хорасан. Они начали наступление на Нишапур, Балх и Герат, где скрывался султан Масуд Газневи. После заключения мира с государством Газневидов восточной границей Сельджукской империи стал Индийский Кавказ или же Гиндукуш. В 1042 году Тогрул Бек завоевал Гурган (Гиркания) и Табаристан. В 1043 году Чагры Бек – брат Тогрул Бека покорил Кят, столицу Хорезма и принял титул хорезмшаха. В 1045 году сельджуки взяли Хамадан (Экбатана). В 1050 году сельджукам сдался Исфахан (Аспандана). В 1055 году Тогрул Бек завоевал Багдад и установил контроль над Ираком. Тогрул Бек принял титул «султана ислама» и принес присягу на верность Аббасидскому халифу Аль-Каим Биамриллаху (1001–1075), которого освободил от господства шиитов и на дочери которого женился. К 1060 году сельджуками были завоеваны области Герата (Александрия Ариана), Балха (Бактрия) и Систана (Дрангиана). В 1046–1049 годах Тогрул Бек совершил конный рейд по территории Армении и восточной Анатолии, перейдя границу Византийской империи. Этот поход повторился в 1054 году, однако сельджуки потерпели поражение от византийской армии под командованием Катакалона Кекавмена в первой битве при Манцикерте. Окрыленный успехом император Константин IX Мономах (1042–1055) не придавал сельджукской угрозе никакого значения, а один из преемников Константина Мономаха, император Константин X Дука (1059–1067), под предлогом экономии средств расформировал войска, собранные в Армении, переложив оборону восточной границы и крепостей на плечи армянских нахараров – бывших подданных государства Багратидов. Эта стратегическая ошибка византийского правительства привела к непоправимым и трагическим последствиям. Ликвидация государства Багратидов и присоединение Великой Армении к Византийской империи при императоре Константине Мономахе в 1045 году привела к исчезновению буферного государства, прикрывавшего с 886 года восточную византийскую границу. Поглощение государства Багратидов способствовало созданию у византийского правительства опасной иллюзии централизованного контроля над восточными рубежами империи³². Последний представитель династии Багратидов – царь Гагик II поселился во внутренних областях Византийской империи, конфликтуя с представителями греческой церковной иерархии, а армянские князья были предоставлены сами себе. Данной ситуацией очень скоро воспользовались сельджуки.

³¹ *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов... С. 95–96.

³² *Шагилян А. К.* Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб., 2011. С. 456–457; *Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М., 1988. С. 10–298; *Его же.* Скилица о захвате Анийского царства в 1045 году // Византийский временник. 1979. Т. 40 (65). С. 76–91.

Держава Великих Сельджукидов и завоевательные походы сельджуков в XI веке. Карта

Тоғрул Бек – хан сельджуков, «шахиншах» и «султан ислама», создавший державу Великих Сельджукидов, умер 4 сентября 1063 года. Год спустя, в 1064 году, армянский историк Аристакес Ластиверци стал свидетелем разгрома сельджуками города Ани – бывшей столицы государства Багратидов. Завоеватели истребили практически все население города. Впереди перед ордами сельджуков простиралась территории Каппадокии, Армениака, Понта и других фем Византийской империи.

Роман Диоген

Энергичный полководец Роман Диоген, вступивший на престол в 1067 году благодаря браку с императрицей Евдокией, предпринял несколько удачных походов против сельджуков и попытался решительно изменить ход боевых действий в пользу Византийской империи. Армия Романа Диогена, его стратегия и тактика были изучены в исследованиях А. С. Мохова³³. Первый поход Диогена, предпринятый в 1068 году в северную Сирию, был направлен против эмира Алеппо и объединенных сил сельджуков и арабов. Роман сумел ликвидировать угрозу Антиохии, взял Севастию и Иераполь. Второй поход Диогена в Каппадокию и Месопотамию состоялся в 1069 году. Несмотря на мятеж норманнского рыцаря Роберта Криспина и его людей в феме Армениак, Роман разбил инсургентов, заставил сельджуков отступить из Каппадокии, затем прошел через Мелитену, истребляя по дороге местные турецкие банды, форсировал Евфрат возле Романополя и вышел к армянской крепости Ахлат на озере Ван. Третий поход Диогена против сельджуков в Каппадокию и Армениак был предпринят в 1070 году. После отступления Романа Диогена ромеи под командованием Филарета Варажуни были разбиты сельджуками под Романополем. В 1070 – начале 1071 года состоялся неудачный поход Алп-Арслана, султана сельджуков, на Эдессу и Алеппо. Это обстоятельство утвердило Романа Диогена в мысли о необходимости придерживаться и впредь избранной прежде наступательной стратегии. По свидетельству Никифора Вриенния, Роман Диоген подражал великим императорам X века – Никифору II Фоке (963–969), Иоанну I Цимисхию (969–976) и Василию II (976–1025). Роман Диоген планировал поход на Багдад, хотел перенести войну на территорию государства сельджуков, обещал стратигам и архонтам земли в завоеванных областях Ирана³⁴.

В 1071 года Диоген начал четвертый поход в Армению, ставший роковым для его армии. Летом 1071 года император разделил силы, отправив лучшую часть своей армии – франкских рыцарей, тагмы восточной армии, печенегов и узов к крепости Хлат, а сам остался во главе менее боеспособного фемного ополчения стратиотов. 25–26 августа 1071 года в результате измены Андроника Дуки и Никифора Вриенния Роман Диоген остался без резервов и во второй битве при Манцикерте был наголову разбит султаном сельджуков Алп-Арсланом – племянником Тогрул Бека. Поражение ромеев, подробно описанное участником битвы Михаилом Атталиатом и Никифором Вриеннием младшим, усугублялось тем, что доблестно сражавшийся император был ранен и попал в плен³⁵. Это трагическое событие положило начало сельджукскому завоеванию Анатолии. Вскоре сельджуки, которые хорошо обращались с пленным императором, подписали мирный договор и отпустили Романа Диогена. Возвращаясь через фемы Анатолии, Роман Диоген узнал о том, что придворные бюрократы провозгласили в Константинополе нового василевса – пасынка Михаила Дуку, сына жены Романа Диогена императрицы Евдокии от ее первого брака с покойным императором Константином X Дукой. Роман Диоген стал собирать верные войска, в основном тагмы армянских архонтов, для наступления на столицу. Империя, атакованная сельджуками, погружалась в хаос гражданской войны. Однако Михаила VII поддержала лучшая часть византийской армии – две тысячи солдат варяжской гвардии и норманнские рыцари. В битве при Докее армия Дук под командованием Роберта Криспина, возвращенного из ссылки, разгромила войска, верные Дио-

³³ Мохов А. С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071) // *Античная древность и средние века*. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 275–296.

³⁴ Nicephori Bryennii Commentarii... S. 30–31.

³⁵ Michaelis Attaliothae Historia. Bonn, 1853. S. 148–167; Nicephori Bryennii Commentarii... S. 36–43; Повествование вардапета Аристахэса Ластивертци / Пер. К. Н. Юзбашьяна. М., 1968; *Садр ад-Дин Али ал-Хусайни*. Ахбар ад-даулат ас-Сельджукийа (Сообщения о сельджукском государстве, сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях) / Пер. З. М. Буниятова. М., 1980.

гену. Командир диогеновцев Феодор Аллиат был взят в плен и ослеплен. Летом 1072 года армия Роберта Криспина была усилена резервами из западных тагм (македонцы и фракийцы) и в битве под Тарсом нанесла новое поражение сторонникам Диогена, которыми командовал Хачатур. Роман Диоген был вынужден закрепиться в крепости Адан, а затем сдался на милость победителей. Во время транспортировки Романа Диогена солдатами Андроника Дуки, domestika схол Востока, бывший император был ослеплен в Котиее раскаленным шестом от палатки несмотря на то, что его личная безопасность была перед этим гарантирована тремя митрополитами. Через несколько дней Роман Диоген скончался.

Потеря Анатолии

По иронии судьбы, в том же 1072 году на границе с государством Караханидов победитель Романа Диогена султан Алп-Арслан пал от руки наемного убийцы. Султаном стал его сын Малик Шах, который продолжил славные дела своего предка Тогрул Бека. Малик Шах завоевал северную Сирию и Палестину, затем в 1074 году нанес поражение Караханидам, покорил Бухару и Самарканд. В конце 1070-х годов сельджуки под командованием Сулеймана Кутулмыша – кузена султана Малик Шаха захватили Никею, город двух Вселенских Соборов, который был форпостом Византийской империи в Вифинии. Падение Никеи произошло благодаря недалновидности Никифора Мелиссина – мужа дочери Анны Далассины, и, соответственно, сестры Алексея Комнина. Мелиссин поднял мятеж против центральной власти, укрепился в городах Вифинии и призвал на помощь орды Сулеймана. Сулейман «помог» Мелиссину настолько ревностно, что захватил Никею и сделал ее своей столицей. В 1079 году сельджуки совершили новый опустошительный поход в Армению и Грузию. Уже после прихода к власти Алексея Комнина, в феврале 1085 года, Сулейман завоевал Антиохию на Оронте, уничтожив княжество армянского архонта Филарета Варажнуни, domestика схол Востока, находившееся в формальной зависимости от Византийской империи. Спустя четыре года сельджуки покорили Фергану. Казалось, не было такой силы, которая могла бы остановить кочевников, мчавшихся на гордых ахалтекинских конях, закованных в ламеллярные и ламинарные доспехи, мелькавших султанами на шлемах с антропоморфными личинами. В течении нескольких лет сельджуки смогли осуществить то, что в свое время оказалось не под силу ни Сасанидскому Ирану, ни халифату Омейядов. Кочевники завоевали Анатолию, принадлежавшую Византийской империи со времен Константина Великого, подвластную римлянам с момента окончания Митридатовых войн.

Социальная структура сельджукских племен активно усложнялась и развивалась по мере расширения завоеваний. Наиболее доблестные гулямы султана получали на завоеванных территориях икту – феодальный надел за службу, отчасти напоминавший аналогичные наделы саманидских дехканов и парфянских азатов. Самые успешные военачальники закрепляли за собой покоренные города и области, становились эмирами и атабеками, основывали свои собственные династии, как, например, упомянутый Сулейман Кутулмыш в Вифинии, Данишменд Гази в Понте и Каппадокии, Чака Бей в Смирне, Тутуш в Дамаске. Гражданская администрация сельджукских султанов на местах в основном состояла из хорасанцев. Официальным языком стал дари – новоперсидский язык, который процветал при дворе султанов в качестве языка поэзии и светского общения. В частности, при сельджукском дворе подвизался знаменитый персидский поэт Гургани, создавший на основе парфянского рыцарского романа лирическую поэму «Вис и Рамин»³⁶. Куртуазный сюжет романа Гургани, возможно, был заимствован норманнскими наемниками на византийской службе или крестоносцами и повлиял на знаменитый старофранцузский роман о Тристане. Как писал Гургани:

– Стремится шах Мубад в Гураб: туда
Влечет его злосчастливая звезда.
Но как разлуку вынести с Рамином?
Как не погибнуть в ожиданье длинном?

³⁶ *Minorsky V. Vis u Ramin: A Parthian Romance // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943–1946. Vol. XI. P. 741–763; 1947–1948. Vol. XII. P. 20–35; 1954. Vol. XVI. P. 91–92; “New Developments”. 1962. Vol. XXV. P. 275–286; Davis D. Vis o Rāmin // Encyclopaedia Iranica Online Edition, 2005. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/vis-o-ramin> (дата обращения: 08.04.2020).*

Уедет он, – моя душа, как птица,
Вслед за Рамином сразу же умчится.
Ты скажешь: Рахш, внезапно став сердитым,
Ударил по моим глазам копытом.
От шага каждого его коня
На сердце будет рана у меня!³⁷

Главным произведением персидской литературы, читавшимся при сельджукском дворе, разумеется, было «Шахнаме» Фирдоуси, повлиявшее на умы сельджуков настолько, что с течением времени сельджукские султаны Рума стали давать своим сыновьям имена легендарных иранских царей из поэмы. Подвиги Рустама – древнего сакского героя из т. н. Систанского цикла, эпоса саков юэчжи, вошедшего в «Шахнаме», были образцом для атабеков и эмиров султанов Рума. Рустам из «Шахнаме» был для дехканов трагическим героем, который убил в поединке собственного сына Сохраба.

– Промолвил Сохраб: «Сам себе я злодей!
Вручен тебе ключ был от жизни моей,
Вина не твоя: то горбун-небосвод
Сегодня мне гибель без времени шлет.
В забавах промчится ровесников день,
Меня ж укроет могильная сень.
Мать знак, чтоб отца отыскать, мне дала;
Любовь на погибель меня обрекла.
Так пламенно жаждал я встретить отца,
Но смерть стерегла на дороге юнца.
Я рвался увидеть родные черты,
Увы, не сбылись молодые мечты.
Но стань ты хоть рыбой в глубоких водах,
Иль ночью, таящейся вечно впотьмах,
Иль в небе далеком явись, как звезда,
И узы расторгни с землей навсегда
– Настигнет тебя мой отец-исполин,
Узнав, что под камнем покоится сын.
Найдется кому среди воителей снести
Ростему, бойцу знаменитому, весть:
Сохраб в поединке повергнут в прах,
Он умер с словом – Ростем – на устах»³⁸.

По мнению Ольги Дэвидсон Рустам – витязь сакского эпоса, изначально являлся олицетворением Фарра и, таким образом, воспринимался как эманация индоарийского божества Апам Напата, сведения о котором содержатся как в «Авесте», так и в «Ригведе»³⁹. На санскрите Апам Напат означает «сын воды». «Авеста» именуется Апам Напата *aram napa*^o *a^urvat=asp- o* «внуком воды быстроконным».

³⁷ Фахраддин Гургани. Вис и Рамин / Пер. С. И. Липкина. М., 1963. С. 452.

³⁸ Фирдоуси. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. Т. II. М., 1960. С. 78.

³⁹ Davidson O. M. Persian/Iranian Epic // A Companion to Ancient Epic. London, 2005. P. 264–276; Davidson O. M. The Poet Heritage of *farr* in the *Shâhnâma* // The *Shâhnâma* and the Continuity of the Iranian Tradition. Harvard University, 25–26 March 1999. P. 1–21 (специально P. 10–15).

– Этот *хварн* доплыл
до озера Ворукаша,
его тут же схватил Внук Воды быстроконный.
Так пожелал Внук воды на быстром коне:
«Этот *хварн* я возьму, который потухший,
На дно озера глубокого,
На дно глубоких бухт».
Высокого царственного сиятельного господина,
Внука Воды на быстром коне мы почитаем,
Мужа, приходящего на зов,
Который создал мужей,
Который обтесал мужей,
Который бог воды,
Самый прислушивающийся,
Будучи восхваляемый...⁴⁰

Яит 19:51–52

Разумеется, сельджуки, кочевники, ставшие воинами ислама, не имели ни малейшего представления об индоарийских истоках персонажей сакского эпоса и воспринимали «Шахнаме» исключительно как светский памятник героической истории Турана, заимствованный у дехканов в завоеванном Хорасане.

Примечательно, что завоевательные походы сельджуков совпали по времени с новым мусульманским нашествием на Испанию. Юсуф ибн Ташфин (1009–1106) – предводитель орды Альморавидов, последователей берберской секты из Западной Африки, вторгся в Испанию, призванный на помощь терпящими поражение арабскими эмирами, которые управляли территориями некогда великого Кордовского халифата, процветавшего в X веке. Юсуф нанес ряд сокрушительных поражений войскам кастильского короля. В 1094 году мавры взяли Бадахос, в 1102 году пала Валенсия, еще недавно освобожденная дружиной легендарного Сиды Компедора, а в 1100 году Темим ибн Юсуф подошел к Сарагосе. Альморавиды сумели на некоторое время переломить ход Реконксты. Господство Альморавидов в Испании продержалось почти до 40-х годов XII века, вплоть до покорения Аль-Андалуса алжирской династией Альмохадов.

Империя, созданная сельджуками, мало уступала по своим масштабам Арабскому халифату в период его расцвета. Наибольшего могущества Сельджукская держава достигла в период правления Малик Шаха (1072–1092). Империя Малик Шаха простиралась на колоссальных пространствах, раскинувшись от Эгейского моря до хребтов Памира, обладала неисчерпаемыми людскими ресурсами и богатствами, контролировала торговые пути, соединявшие Иран, Кашгарию и Китай. Несмотря на то, что при преемниках Малик Шаха центральная власть великих султанов ослабела, а Сельджукскую империю терзали междоусобицы, сельджуки оставались основным противником как византийцев, так и крестоносцев в Малой Азии, Сирии, Армении и даже на Балканах. Как отмечает Анна Комнина, накануне событий «комниновской революции» в марте 1081 года сельджукские боевые отряды переправлялись через Геллеспонт и уже были замечены в долине Гебра (Марица)⁴¹. Как отмечал академик В. Г. Васильевский, между сельджукскими султанами и ханами печенегов Северного Причерноморья существовала

⁴⁰ Авеста. Опыт морфологической транскрипции и перевод / Под ред. В. С. Соколова, И. А. Смирнова. СПб., 2013. С. 458–459.

⁴¹ Annae Comnenae Alexias. B. I... S. 72.

постоянная связь, позволявшая им совершать синхронные боевые операции против Византийской империи.

Придворный визирь Малик Шаха Низам аль Мульк оставил подробное описание сельджукского двора и внутренней организации необъятного государства⁴². Опираясь на сведения Низам аль Мулька, мы можем представить основные черты сельджукской военной и государственной машины. Важность «Сиасет-наме» как исторического источника, даже при наличии в структуре этого памятника более поздних интерполяций, не вызывает сомнений, учитывая тот факт, что нашествие монголов в XIII веке и вызванные этим нашествием войны привели к полной гибели государственных архивов на ближнем и среднем Востоке. Раздача икты, интенсивная феодализация империи сельджуков привела ее к достаточно быстрому разложению на множество государств и княжеств, признававших власть великого султана лишь номинально. Одним из таких княжеств, в частности, был Румский султанат анатолийских сельджуков, оставшийся на протяжении двух веков главным противником как Византийской империи, так и крестоносцев.

Основателем султаната стал уже упомянутый Сулейман Кутулмыш (1077–1086) – двоюродный брат Малик Шаха. Преемник Сулеймана по имени Кылыч-Арслан, эмиры Кылыч-Арслана, в частности, Чака Бей и Данишменд Гази были серьезными противниками императора Алексея Комнина и рыцарей Первого Крестового похода. К сожалению, от раннего периода истории Румского султаната не сохранилось ни турецких, ни персидских источников. В сущности, единственным полноценным источником по истории сельджуков Анатолии в конце XI – начале XII веков является «Алексиада» Анны Комниной. Правда, апогей развития сельджукского султаната в Анатолии приходится на более позднюю эпоху и связан с периодом правления султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I (1219–1237), захватившего Анталью и сумевшего создать собственный военно-морской флот, впервые после того разгрома, которому подверглись турецкие военно-морские силы во время наступления армии Алексея Комнина на Смирну и Эфес во второй половине 1090-х годов. Сельджукская династия, правившая в Руме, впоследствии проводила политику активной ассимиляции греческого православного населения. Например, султан ‘Изз ад-дунья ва д-дин Кей Кавус II (1245–1261) был сыном султана Гийас ад-Дина Кей Хосрова II (1237–1245) и греческой наложницы, которая была дочерью православного священника. На стороне сельджукских султанов в XIII веке нередко воевали греческие военные отряды. В частности, одним из таких греческих отрядов, который находился на службе султана Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II и принимал участие в битве против монголов при Кесе-Даге 26 июня / 1 июля 1243 года, командовал будущий византийский император Михаил VIII Палеолог. Сельджуки и аланы также нередко служили в войсках никейского василевса в качестве наемников.

⁴² Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер. Б. Н. Заходера. М.; Л., 1949. С. 11–237; Гусейнов Р. А. Уджи – военно-феодальный институт в Малой Азии в XI–XII вв. // Тюркологический сборник 1974. М., 1978. С. 219–229.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.